

Воронежская область
Павловский муниципальный район
МКОУ Бабковская ООШ

ИНТЕРВЬЮ

С ЖИТЕЛЬНИЦЕЙ СЕЛА БАБКА ТАТАРИНОВОЙ ЕКАТЕРИНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ О ЕЁ СЕМЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Интервьюер:

ученик 8 класса
Беленко Артем

Руководитель:

учитель географии
Камнев Сергей Игоревич

с. Бабка
2020 г.

12 марта 2020 года настоятель Никольского храма с. Бабка и воспитанник МКОУ Бабковской школы с. Бабка Павловского района Беленко Артём посетили прихожанку храма Татаринову Екатерину Николаевну и попросили её рассказать о её семье в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Екатерина Николаевна любезно согласилась поделиться своими воспоминаниями и раннем военном детстве и службе в своего отца и двух братьев на фронте.

Интервью

Артём: *Мы находимся в гостях у жительницы села Бабка Павловского района Екатерины Николаевны, которая относится к детям войны и расскажет нам о своей маме, отце и брате, защищавшие наше Отечество в годы Великой Отечественной войны. Здравствуйте!*

Екатерина Николаевна: Здравствуй, Артём! Очень приятно ваше посещение. Я с удовольствием расскажу, поскольку я действительно по возрасту являюсь ребёнком войны. Я родилась в большой семье в 1939 году в селе Александровка Донская. Отец мой, Коврижкин Николай Васильевич, 1897 года рождения. Мама моя Коврижкина (Пугачёва) Мария Степановна, 1895 года рождения. Началась война. Отца забрали на фронт. Он служил в основном, так как был в возрасте, в медсанбате.

Артём: *Помните ли вы, как ваша мама провожала на войну мужа и сыновей?*

Екатерина Николаевна: Конечно. Моя детская память не настолько была взрослой, чтобы я могла именно запомнить всё мгновение, но, пока шла война, я и мои братья подрастали, и мама постоянно рассказывала, как, что... И всё время ждали письма - треугольники, потому что у меня два брата и отец ушли на фронт, и мы ждали эти письма с войны. И мама... Я

никогда не видела слёз мамы, что нам трудно, что нам нечего кушать, нечего надевать и обувать. Она всё время с надеждой ждала и верила, что обязательно он вернётся, не может он оставить такую армию детей. И, провожая на фронт, она давала, уже потом по рассказу, что она каждому завязывала маленький узелочек из марли и туда клала соль, кусочек хлеба и молитвы. Я думаю, что это была «Живый в помощи». И вот Николай Николаевич, старший брат, 1920 года рождения, когда приехал с войны, достал эту молитву, узелочек с солью и хлебом и сказал: «Мама, только эта молитва меня спасла. Кругом падали снаряды и разрывались, а я ехал на своей полуторке, рукой прижимая к сердцу твою молитву и твой узелок. И смотри, мама, я к тебе вернулся».

Артём: *Не делилась ли ваша мама с вами о муже и сыновьях, которые находились на фронте?*

Екатерина Николаевна: Она просто не показывала, что ей тяжело, но мне уже всё-таки было 5 лет, я видела, как она успокаивала других женщин, у которых на фронт или один ушёл, или два, а она всё-таки проводила на фронт двух сыновей и мужа. И она никогда не горевала, не плакала, что завтра нечего есть, завтра нечем кормить корову. Она, наоборот, уговаривала всех. Это я хорошо помню. «Ничего, детки, - говорила мама, - скоро весна, вырастет крапива и чернобыльник – проживём. Отец вернётся – вот тогда всем вам сапоги сошьёт. Сапоги почему-то. И валенки сваляет, когда вернётся». И никогда не горевала и других женщин уговаривала. И даже председатель колхоза говорил: «Научитесь терпению, как у Коврижиной Марии Степановны».

Артём: *Где воевали ваши отец и братья?*

Екатерина Николаевна: Поскольку уже теперь столько прошло времени, 75 лет прошло, я уже, конечно, не помню это направление. Так,

собственно говоря, но я знаю точно, что они все дошли до Берлина. И отец, и старший брат Николай Николаевич, и Иван Николаевич - все дошли до Берлина. А уж по какому пути военному они шли, я уже теперь не могу рассказать, да и мне самой-то уж 80 лет. Но все пришли награждённые, все пришли с медалями, с орденами. Так что мне есть, чем гордиться и за отца, и за моих братьев.

Артём: *Как ваша семья жила в годы войны?*

Екатерина Николаевна: Я уже вкратце ранее рассказывала, что с нашей мамой не страшно было. Она из ничего сделает что-то: она из двух-трёх стареньких вещей кому-то сделает пиджачок, какие-то брючки или какие-то бурки сошьёт и всегда найдёт, чем нас накормить. Мы никогда не видели её слёз. Но, к своему удивлению, даже сейчас я думаю, что смогла бы я так сделать на завтрак, встав и вытопив печку обедками от коровы, то есть кукурузняк там и всё такое, приготовить в этой печи и накормить семерых ребятишек, и она могла до нашего пробуждения сделать 500 вареников с творогом, корова-то была. И удивительно, я сейчас даже вспоминаю и удивляюсь, а смогла бы я так сделать, как делала моя мама? Слёз никогда не было. Соседки говорили: «Маруся, неужели у тебя и слёз нету?» «Да все выплакала. Нету слёз,» - отвечала мама. Она никогда не плакала. Так что вот так...

Артём: *Расскажите, пожалуйста, как проходила встреча с отцом и братьями после окончания войны?*

Екатерина Николаевна: Ой, уж это никогда не забывается! Никогда! Всегда стоит перед глазами. Мне к этому времени было уже семь лет. И, как сейчас помню, просто слёзы радости. Утром рано - рано на рассвете закричала мама во весь голос: «Дети! Батька пришёл!» Мы все, кто голяком, кто босиком выскочили и повалили его в сенцах, так называли у нас кори-

дор, там стояли мешки какие-то с кукурузой, с початками или ещё с чем-то. И мы на эти мешки повалили его. Мама кричит: «Да задушите батьку!» Всё. Мы ничего не говорили. Мы просто на него все вот так повисли.... И с улицы открываются сенцы и заходит бригадир: «Так, что это тут такое ещё? Давай вставай, солдат! Чем ты такую ораву кормить будешь? Давай сеять будем для того, чтобы было им что есть». И вот это я запомнила. Всё... Мы один по одному отца освободили, он встал, и только тогда маме доступ был, и она обняла его. У мамы уже печка топилась. Сразу все за стол. А стол был канцелярский из досок сделан, длинный-длинный, ни клеёнки, ничего, мы его так просто построгали. Во-т такая миска... - налили туда суп, деревянные ложки... И скорее хлебать, а то там дно уже виднеется... Всё поели. Бригадир говорит: «Жду в бригаде. Бери мешок с собой. Будешь насыпать и в поле высевать». Не дали даже отдохнуть с дороги – пятьдесят километров с Подгорного шёл, или сколько там тридцать километров? Всё. Поел, похлебал, разок посмотрели друг на друга. Живы, и ладно. А другие братья Николай и Иван пришло гораздо позже. И отец взял мешок и ушёл в бригаду сеять вручную. Это вот как сейчас перед глазами стоит. Вот так... И прожил до 1948 года, до декабря. Воспаление лёгких, отёк и всё. В больницу не лёг: «Куда я лягу? Меня там будут кормить, а детки мои будут голодать? Нет. Умирать так вместе». В сорок восьмом году в декабре отца не стало. Мама осталась вдова в пятьдесят один год. И нас семеро.

Артём: *Как сложилась судьба вашей семьи после войны?*

Екатерина Николаевна: Как сложилась наша судьба. Подрастали братья. Старшая сестра Александра, 1926 года рождения, ныне покойная, пошла учиться в Павловск на счетовода. Закончила, и её сразу направили в село Бабка, где работала она с Надеждой Мартыновной, Олесиной бабушкой, та была заслуженный комбайнёр, а наша была учётчик. Дальше братья: ФЗО, ремесленное... и дальше все потихоньку рассеялись. Остались

только я и брат Михаил, 1936 года рождения. А потом и брат подрос, ушёл в армию, а после армии пошёл учиться в институт. Ну и я собственно подросла. Куда деваться? Очень хотела быть врачом, очень хотела. В Павловске было медицинское училище, и я поступала туда с подружками. Всё пересортировали, перебрали: «Так городская оставайся, колхозница домой – ты не прошла по конкурсу». Всё, и Екатерина пришла домой в слезах, а подружкина мама продала корову, отнесла в комиссию денежки, и Зоя поступила, а Катя – нет. Я говорю: «Ма, ну Зойка же поступила», а мама отвечает: «Хорошо, но Зойка одна у матери, а вас семеро. Если я корову продам и за тебя отдам, то чем я вас кормить буду? Нет, дорогая, иди и учись на что-то другое». И пошла я учиться на что-то другое. А куда идти учиться? В колхозе паспорта не давали. А у меня старший брат закончил учиться и уехал на целинные земли в Кокчетавскую область и пишет: «Катя, если ты не поступила в медицинский и больше никуда не хочешь, то приезжай ко мне на поднятие целинных земель». Всё. И Катюша села на поезд и отправилась в Кокчетавскую область. Приехала. Там меня направили на шестимесячные курсы воспитателей детского сада комбината. У меня и газеты есть, в которых про меня писали. Я закончила эти курсы и пошла работать воспитателем. Вот так, я последний ребёнок. И так дальше, так дальше... все мы разъехались, потихоньку разошлись. К маме приезжали в Александровку Донскую. Мама умерла в восемьдесят пять лет безболезненно – просто упала в погреб, ушиблась сильно и всё, а так никакого хондроза, никакого склероза, никаких болезней и никаких слёз мы не видели. Только сейчас мне становится страшно, когда я смотрю на их фотографии, особенно на неё смотрю: «Мама, ну ты меня прости. Я осталась вдовой в семьдесят четыре года, а ты в пятьдесят один год и нас семеро, а я осталась при хорошей пенсии, в хорошем доме – и чего это я буду раскисать? Ты, моя хорошая, прости меня. Я никогда не думала, что так трудно быть вдовой». Честное слово, каждое утро у матери прошу прощения. Вот такова жизнь у

ребёнка войны. Так что сказать, что прям совсем трудно было и невыносимо – нельзя сказать, грех будет, но мы старались, и мать наша, так воспитанная, и мы все дети были приученные и никогда не смели сказать: не буду, не хочу, мне не нравится. Мы так были воспитаны. Отец у нас был ласковый, добрый, но справедливый. Боже упаси что-то чужое взять. Шли, карандаш нашли. «Кто нашёл карандаш? Чей? Отнести на это место и сказать: «Господи, прости» - и положить» «Так кто-нибудь другой возьмёт?» «Дети, пусть возьмёт тот, кто потерял. Вы не имеете права это взять». Всё. Если к нам приходили в дом из соседей: «Ой, заходите, садитесь. А ты, Оксана, пришла, что-нибудь надо?» «Да нет, Николай Васильевич, просто поведать». «Не-не-не, так не бывает. Маруся, спроси у Оксаны, может луковицу надо?» Всё. Проводит и всегда чем-нибудь угостит: «Может тебе валенки подшить? Может тебе калошу заклеить?» Вот такой у нас был отец, помню, как сейчас, но справедливый, честный, чтобы запомнили. В храм мама только не ходила, потому что в Павловск надо было ехать, но отец говорил: «Ты молись, Маруся, в каждом углу есть Господь. Он услышит». И говорил, чтобы чужого не брать, не врать, не обижать – Боже упаси – это у нас постоянно так считалось. Поэтому мне сейчас людей не хватает, у меня должны быть люди, я должна о ком-то заботиться, я должна обязательно кому-то что-то отдать, спросить, позвонить. А если этого не сделать, я сама не буду есть. Вот такой человек вырос – военный ребёнок. В настоящее время, я скажу за себя, обижаться не надо – всё-таки Господь за всех беспокоится, у всех есть и одеться, и обуться, есть свет, есть газ – всё есть. Бога гневить не надо. Только надо помнить о том, что Он есть и что Он всегда нас видит, и кому что надо, Он всегда даёт. Только надо помнить о том, что есть Господь.

Артём: *Спасибо вам за столь интересную беседу. Долгих вам лет жизни, здоровья, счастья. И мы хотим подарить вам вот эти цветы.*

Екатерина Николаевна: Благодарю за внимание. И благодарю за то, что вы посетили мой дом и выслушали меня. Я вместе с вами снова прожила свою длинную жизнь, начиная с 1939 года и кончая 2020 годом. Я горда тем, что я ребёнок военных лет – всё-таки прожила такую тяжёлую, но интересную жизнь и встретила прекрасных людей. Сейчас хожу в храм, этим горжусь, и Господь мне помогает стоять на ногах и видеть свет, радугу, солнце. Благодарю вас.

Видеозапись интервью была опубликована на «YouTube» по ссылке:
https://www.youtube.com/watch?v=4F_j64Fyhgk&t=906s

